

Дмитрий Федотов

Вариант решения

Часть сборника
Настоящая фантастика -2013
(сборник)

Дмитрий Федотов

Вариант решения

«ЭКСМО»

2013

Федотов Д. С.

Вариант решения / Д. С. Федотов — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-457-28166-0

«...Высокий быстро набрал на миниатюрной клавиатуре код, блестящая поверхность прибора затуманилась, по ней быстро, одна за другой проплыли разноцветные светящиеся полосы, затем из боковой щели его выскочила стандартная пластиковая карта – типовой договор на работу. – Ну вот, мистер Хофман, – сказал третий собеседник, – отныне вы – сотрудник Института новых биотехнологий при Научном совете ООН. Завтра утром за вами заедет служебная машина. Всего хорошего. Оба безликих человека поднялись с диванчика и вышли из номера. Минуту спустя Хофман тоже встал и направился вслед за ними. Уже взявшись за ручку двери, он громко сказал сам себе: – Во что же ты вляпался на этот раз, Сэм?..»

ISBN 978-5-457-28166-0

© Федотов Д. С., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

0	5
1	7
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дмитрий Федотов

Вариант решения

0

В полутёмной гостиной люкс-апартаментов на сто тринадцатом этаже отеля «Экселенц» сидели трое. Двое – на диванчике, по одну сторону низкого овального столика, а третий – в кресле напротив. Поляризованный свет от большого, во всю стену, окна искажал цветовосприятие, и от этого всё в комнате казалось плоским и серым: предметы, обстановка, фигуры людей. Тот, что в кресле, видел вместо лиц собеседников лишь серые пятна, а его физиономия для них была словно нарисована пером авангардиста – несколько чёрных штрихов на светлом фоне, намекающих на нос, губы, глаза.

Однако такая необычная обстановка встречи несколько не мешала всем троим. Они довольно оживлённо беседовали, не меняя поз и не делая ни одного лишнего движения.

– Итак, мистер Хофман, – произнёс один из двоих на диване, тот, что повыше, – мы вкратце изложили вам свои предложения и теперь хотим получить от вас чёткий и ясный ответ: согласны ли вы на наши условия?

– Не торопитесь, господа, – низким голосом, слегка картавя, сказал человек в кресле. – Давайте-ка ещё раз просуммируем наши взаимные претензии и обязательства. Вы предлагаете мне участие в весьма сомнительном эксперименте, который якобы проводится под эгидой Научного совета ООН и имеет целью создание индивидуальной системы адаптации для человека в условиях агрессивной внешней среды. Я добровольно соглашаюсь отдать себя, точнее своё тело, в руки ваших биоников для так называемой модернизации. При этом вы не можете сказать конкретно, в чём она заключается. Также вы не можете гарантировать мне абсолютную безопасность эксперимента и сохранение моего драгоценного здоровья. Я же со своей стороны обязан пройти все этапы этой модернизации и к тому же обязан хранить всю полученную информацию в секрете в течение всего срока договора. И за всё за это я получаю пожизненную «серебряную карту» гражданина мира со всеми вытекающими. Я ничего не упустил?..

– Всё правильно, мистер Хофман, – снова заговорил высокий, – кроме одного. Что касается вашего драгоценного здоровья, как вы выразились, то результаты последнего ежегодного медицинского тестирования как раз говорят об обратном. Уровень вашего здоровья снизился до сорока семи единиц, а это означает, что вы не сможете более работать в сфере средств массовой информации...

– Погодите! – возмутился картавый. – Что за бред?! Я здоров! У меня шестьдесят две единицы – этого более чем достаточно, чтобы работать журналистом. Я...

– У вас сорок семь единиц. Можете проверить через свой инком, код доступа я вам предоставляю. Но какой смысл мне вас обманывать?

– Я же останусь без работы?!.. Как же я буду жить, на что?.. – потерянно пробормотал Хофман.

– Если заключим контракт, у вас не будет никаких проблем ни с жильём, ни со средствами, – включился в разговор третий из присутствующих. – Эксперимент рассчитан минимум на год. Плюс, если всё пройдет удачно, ваш уровень здоровья станет почти идеальным!

– А если неудачно?..

– За это мы вам и платим, мистер Хофман. За риск. Так вы согласны?..

– Д-да...

– Тогда, – высокий наклонился вперёд и положил на овальный столик тонкий, зеркальный прямоугольник сканридера, – приложите правую ладонь к экрану.

Хофман повиновался. Высокий быстро набрал на миниатюрной клавиатуре код, блестящая поверхность прибора затуманилась, по ней быстро, одна за другой проплыли разноцветные светящиеся полосы, затем из боковой щели его выскочила стандартная пластиковая карта – типовой договор на работу.

– Ну вот, мистер Хофман, – сказал третий собеседник, – отныне вы – сотрудник Института новых биотехнологий при Научном совете ООН. Завтра утром за вами заедет служебная машина. Всего хорошего.

Оба безликих человека поднялись с диванчика и вышли из номера. Минуту спустя Хофман тоже встал и направился вслед за ними. Уже взявшись за ручку двери, он громко сказал сам себе:

– Во что же ты вляпался на этот раз, Сэм?..

1

Зал заседаний Экологического совета ООН был полон. Обычно полупустые места для прессы на этот раз не смогли вместить всех желающих. Обозреватели и соборы солидных изданий заняли подходящие их положению первые ряды амфитеатра. На галёрке толпились журналисты и корреспонденты рангом пониже. Гвалт стоял как в обезьяннике во время кормёжки.

Члены совета не спеша рассаживались на подиуме по своим креслам, обмениваясь короткими приветствиями и дежурными улыбками. Референты закончили раскладку ридеров с материалами заседания и удалились. Председатель совета, седой как лунь профессор Ваханга Мбене из Западноафриканской федерации, приложил ладонь к сигнальной панели, и по залу прокатился мелодичный звон курантов, возвещающий о начале заседания. Шум понемногу начал стихать, и профессор жестом предложил секретарю огласить повестку дня. Секретарь включил микрофон:

– Дамы и господа! Внеочередное заседание Экологического совета Организации Объединённых Наций считается открытым. Основной темой сегодня является доклад и обсуждение проекта регенерации биосферы «Зелёное око». Авторы и разработчики проекта – группа учёных из Российского центра биотехнологий. Докладчик – доктор биологических наук Сергей Богданов. Его сообщение предваряется сводкой экологических новостей и прогнозов. Слово предоставляется главному эксперту Экологического совета академику Университета Сорбонны Жильберу Брандо.

Высокий и поджарый черноволосый человек порывисто встал, поклонился залу и снова сел в кресло. Свет в помещении померк, перед подиумом вспыхнула сияющая трёхметровая сфера головизора. Молочная глубина её протаяла изнутри, сфера пришла в движение и начала медленно вращаться. Внутри неё возникло изображение серо-жёлтой пустыни. По низким пологим барханам, лениво покачиваясь, двигался огромный смерч.

– Дамы и господа, – заговорил француз приятным баритоном, – вы видите перед собой картину, ставшую типичной для всей южной и юго-западной Африки в последние десять лет. Пустыня Калахари стремительно расширяет свои границы на север. Отдельные её «языки» достигли рек Заир и Мозамбик. Пустыня полностью поглотила территории бывшей Южно-Африканской Республики, Ботсваны, Намибии, Зимбабве, Анголы, частично – Мозамбика, Малави и Заира. Не лучше дела обстоят и на севере континента. Там Сахара простёрла свои владения на Эфиопию, Судан, Чад, Мали, вплотную подступила к берегам Нигера, Сенегала и Сомали. Процессы опустынивания усиливаются и на Североамериканском континенте, в Центральной Азии и Китае. В последнем это особенно тревожно, так как сгоняет население в прибрежные районы, и без того предельно густо населённые. Правительство Китая ввело с января этого года водяные карточки и бесплатно раздаёт жителям мегаполисов респираторы и дезактиваторы жидкости, чтобы хоть как-то смягчить удар «водяного кризиса».

Картины в сфере, быстро сменяя одна другую, иллюстрировали печальный и жуткий доклад доктора Брандо.

– А вот что происходит в Австралии, – продолжал главный эксперт. – Вопреки прогнозам, Зелёный континент не превратился в пустыню, наоборот, он весь покрылся тропическими лесами. Но крупные реки там так и не появились – множество мелких речушек и ручьёв, соединяющих цепочки мелководных озёр, и, как результат, – активное заболачивание. Три четверти материка ныне занимают болота, населёнными остаются лишь юго-восток и юг. То же самое произошло с Южной Америкой. Амазонская сельва расплзлась до широты Рио-Джанеро, но южнее всё превратилось в каменистую пустыню, вроде Атакамы.

Докладчик помолчал несколько секунд, переводя дыхание и давая присутствующим возможность полюбоваться картинами взбесившейся природы, затем заговорил снова:

– Теперь о геофизических новостях. Самым неприятным и тревожным событием является массовое пробуждение подводных вулканов на Среднеатлантическом хребте. По неполным данным, на сегодня там насчитывается до тридцати активных жерл! Извержения и моретрясения происходят ежедневно. По всем океанам меняется картина течений. Гольфстрим, например, ослабел настолько, что доходит теперь лишь до Шетландских островов. Северная Скандинавия, Исландия, Гренландия, Шпицберген и побережье Баренцева моря скованы льдом по десять месяцев в году! Средняя температура января в том районе упала на восемь градусов. А в Антарктиде катастрофическими темпами тают шельфовые ледники. Ледник Росса, в частности, уменьшился почти наполовину! Южная часть Мирового океана быстро опресняется, его уровень вырос без малого на метр.

Академик прервался, чтобы отпить воды из высокого стакана – такие же стояли перед каждым членом совета.

– Наконец, биологические новости. По данным мониторинга наиболее активный процесс неомутагенеза биосферы идёт в поясе тропических болот. Компьютерная модель показывает, что в среднем каждые сорок – пятьдесят суток там возникает новый биологический вид! И далеко не все эти «новички» выглядят безобидно. Взгляните на головизор, это лишь некоторые представители новой биогенерации...

Внутри сферы появилось жуткое существо, похожее одновременно на бегемота и крокодила. Оно посмотрело на людей холодными змеиными глазами и раскрыло полуметровую пасть, обсаженную акулыными зубами в три ряда. По залу прокатилась волна судорожных вздохов. Бегемотокрокодила сменила не менее противная крылатая тварь, в которой почти невозможно было опознать красивого и гордого альбатроса. Монстр имел длинную зубастую пасть, как у птеродактиля, шестиметровые крылья и волосатое тело грязно-синего цвета. Третьим в коллекции оказался жуткий цветок, похожий на орхидею «Королева ночи», только вместо листьев розетки там шевелился пучок щупалец весьма смахивающих на осьминожки.

– Безрадостная картина, не так ли? – прокомментировал видеоряд академик. – Такое впечатление, что природа планеты вознамерилась избавиться от присутствия человека раз и навсегда. Агрессивность окружающей среды нарастает в геометрической прогрессии. Причём как на макро-, так и на микроуровне. Про новые штаммы вирусов и бактерий я не говорю, но то, что даже привычные для нас растения и животные становятся потенциально опасными, – уже не секрет. Количество несчастных случаев в зонах контакта с биосферой также стремительно нарастает. Это самая настоящая война, господа! И с противником невозможно договориться. Dixi.

– Благодарю вас, господин Брандо! – сказал председатель. – А теперь какие будут вопросы к главному эксперту?

– Скажите, месье Брандо, каковы ваши прогнозы на сложившуюся ситуацию с климатом? – спросил из первого ряда человек в куртке с эмблемой канала «Мировых новостей».

– В настоящее время климатический коллапс лишь набирает силу. Но компьютерной модели, адекватно отражающей этот процесс, к сожалению, до сих пор нет. – Академик помолчал. – Экстраполяция же даёт весьма размытую перспективу: от возврата «климатических качелей» к исходной точке до полного расслоения широтных климатических зон на сухие и влажные. В последнем случае пригодных для проживания территорий останется крайне мало, а это, в свою очередь, может спровоцировать серьёзные возмущения населения, сверхмиграцию, эпидемии, голод, войну...

– А к чему может привести неконтролируемый мутагенез биосферы? – задала вопрос миловидная девушка со значком «Евроньюз» на кармашке светлого делового костюма.

– К чему угодно, – пожал плечами главный эксперт. – Это абсолютно незнакомый нам процесс. Он может, опять же, закончиться ничем, то есть гибелью подавляющей части всех животных и растительных форм за исключением самых простых и примитивных. А может перейти на совершенно новую стадию самоорганизации. И тогда на планете появится новая биосфера, в которой человек будет не предусмотрен как вид.

– А у Экологического совета есть какие-либо реальные планы и проекты по поводу того, как всё это остановить? – раздался голос откуда-то с галёрки.

– Должен признаться, что все наши попытки хоть как-то повлиять на ситуацию до сих пор не имели серьёзного успеха, – сказал академик, и эта фраза вызвала гневно-растерянный ропот в зале. – Более того, – повысил голос эксперт, – последняя акция Совета безопасности ООН – сброс «генетической бомбы» на один из островов архипелага Фиджи – привёл не к вырождению местной экосистемы, а к прямо противоположному результату! И сейчас там самый настоящий биологический котёл, из которого уже несколько раз вырывались очень странные организмы. К счастью, все они погибли в океане. Теперь Совет безопасности всерьёз рассматривает вопрос о бомбардировке острова атомным оружием...

В зале повисла гнетущая тишина, академик тихо сошёл с подиума и сел на своё место. Ещё несколько секунд люди мрачно переглядывались, но тут встрепенулся председатель:

– Господа, как известно, надежда умирает последней. И пока не испробованы все возможные варианты, не стоит отчаиваться и опускать руки. И как иллюстрация моим словам сейчас перед вами выступит человек, изобретение которого и его коллег вполне может спасти наш гибнущий мир! Я передаю слово русскому учёному Сергею Богданову.

В зале раздались неуверенные аплодисменты. Из крайнего левого кресла поднялся и поклонился невысокий плотный парень, одетый в повседневный уникос, в каких нынче ходила добрая половина служащих и научных работников. Русский сел обратно и подключил к информационному каналу головизора какой-то прибор, вынув его из кожаного кейса возле своего кресла.

В сфере возникло окно 3D-анимации, и стало ясно, что русский подсоединил своего «напарника», как называли персональные компьютеры восьмого поколения. Эти сверхмощные машины были почти разумными, с той лишь разницей, что не имели (да и не могли иметь) никаких сенсорно-механических внешних устройств. Их главным и единственным предназначением было «думание». Но в управлении виртуальными пространствами им не было равных.

– Уважаемые члены Экологического совета, господа журналисты, – заговорил русский на общепринятом инглиш-пабл, – предлагаю вашему вниманию проект системы регенерации биоценоза, которую мы назвали «Зелёное око». По сути, это самообучающийся компьютеризированный биокомплекс, способный к развитию и воспроизводству. В основу алгоритма его деятельности заложена идея исправления и восстановления нарушенного генетического кода живого организма. – Учёный раскрыл перед собой вирт-скрин и начал рисовать в его окне электронным стилосом. Изображение с вирт-скрина тут же проецировалось в объём головизора. – Принципиальная логическая схема «Зелёного ока» выглядит так: анализ геоклиматических параметров среды, подбор ключевых видов флоры и фауны из банка данных для построения экологической пирамиды, анализ имеющихся видов и их состояния, запуск процесса последовательного исправления и восстановления нарушенных генокодов с использованием методов видового клонирования и коррекция процесса с помощью мобильных сенсорных систем...

В анимационном окне теперь медленно вращалась трёхмерная стройная конструкция, расцвеченная радужным спектром.

– А как это может выглядеть на практике, доктор Богданов? – спросил профессор Мбене.

– Минуту, господа, сейчас вы увидите видеоролик о пробном пуске «Ока» на нашем испытательном полигоне в Крыму. – Учёный снова что-то сделал с «напарником». – Весь цикл занял три месяца. Смотрите!

В сфере головизора исчезло окно анимации. Вместо него возникла унылая глинистая равнина под низким свинцовым небом.

– Вы видите северо-западную часть полуострова, – комментировал Богданов. – Раньше здесь была богатая плодородная степь, потом экосистема сколлапсировала...

В голосфере появилась странная конструкция, похожая на огромного паука. Машина медленно шагала по равнине, иногда приседая и ощупывая манипуляторами почву и редкие полузасохшие пучки какой-то растительности.

– Это прототип «Ока». Отличается от настоящего незначительным банком данных и ограниченными возможностями воспроизводства...

«Паук» в головизоре завершил круговой маршрут, потоптался на месте и вдруг буквально рухнул на землю, сложив многочисленные ноги.

– Сбор данных закончен, – продолжал русский спокойным размеренным голосом, – и «Око» приступило к созданию рабочей модели экосистемы. Моделирование может занимать от нескольких часов до нескольких суток, поскольку процесс этот инвариантный и его оптимизация достаточно трудоёмка. «Око» пользуется алгоритмом парной регрессии...

«Паук» лежал довольно долго, по крайней мере, так показалось почти всем присутствующим. Ясно было, что им демонстрируют смонтированный сюжет, и на самом деле всё происходило гораздо медленнее. Но вот в брюхе «паука» открылось отверстие, и оттуда хлынул поток мелких жучков-паучков. Мелюзга кинулась врассыпную во все стороны, некоторые имели крылья и тут же взлетели.

– «Око» разослало первую волну активных сенсоров, которые будут отслеживать процессы геохимической и аэродинамической очистки внешней среды в границах, определённых заданием. Теперь система приступает к воспроизводству. В течение ближайших двух-трёх суток она создаст некоторое количество собственных копий, но со строго специализированными функциями – очистка воздуха, восстановление почвы, энергонакопление, силовые фильтрующие поля...

– Простите, доктор Богданов, что значит «фильтрующие поля»? – перебил учёного один из членов совета, физик Гольдштейн.

– Это наше ноу-хау, – улыбнулся русский уголками губ. – Резонансные электромагнитные поля с избирательной проницаемостью, или фильтрующие поля, предназначены прежде всего для поддержания чистоты атмосферы в зоне восстановления биоценоза, хотя могут контролировать и состав грунтовых вод до глубины тридцати-сорока метров. В принципе возможен вариант такого поля, которое сможет препятствовать и попаданию внутрь зоны крупных объектов – различных животных, людей, механизмов... Хотя пока это в проекте не предусматривается.

А события в головизоре продолжали развиваться. Теперь «пауков» стало несколько, и было заметно, что они отличаются по форме, цвету и размерам. Часть «новорожденных» отправились в разные стороны, а три оставшихся, кроме «мамаши», разошлись от неё правильным треугольником и тоже присели.

– Вот эти три новых «Ока», – сказал Богданов, – и есть три биокомплекса: микробиологический, ботанический и энтомологический. Они и станут колыбелью новой экосистемы...

– А почему только насекомые? – спросил кто-то из журналистов.

– Такова была программа испытаний. Трёх живых сообществ оказалось достаточно для оценки цельности работы компонентов «Зелёного ока».

В сфере головизора картина снова изменилась. Глинистая почва вокруг «пауков» потемнела и стала похожа на обычный степной чернозём, из которого то здесь, то там уже

проклюнулись первые зелёные стрелки молодой травы. Небо над полигоном тоже изменило цвет, облачный покров поднялся выше, в разрывах показалась давно забытая синева.

– Какова площадь экспериментальной зоны? – поинтересовался член совета, профессор Кингсли из Австралии.

– Около ста квадратных километров. – Молодой учёный опять улыбнулся. – Вас смутил вид неба, профессор?

– Да, если честно. Я не понимаю, каким образом...

– Силовая защита зоны – векторные магнитные поля, их градиент позволяет перекрывать атмосферу до границы тропосферы. Но в эксперименте мы ограничились высотами до четырёх километров.

На голограмме в это время виднелась сплошная разнотравная степь. Часть растений зацвела, и над ними уже вились мухи-бронзовки и дикие пчёлы.

– Весь процесс создания экосистемы занял чуть более двух месяцев, – резюмировал Богданов. – Подчеркну, что использовался прототип настоящего «Зелёного ока», которое по своим возможностям превосходит его на несколько порядков.

Сфера головизора погасла, секунду в зале висела полная тишина, а потом взорвалась бурей оваций. Весь амфитеатр встал, засверкали блицы, отовсюду неслись крики «браво!», «превосходно!», «русские молодцы!». Председатель Экологического совета тоже поднялся, взял микрофон и, улыбаясь и обведя рукой зал, сказал:

– Думаю, господин Богданов, что это лучшая оценка изобретения вашего научного коллектива, и дальнейшее обсуждение проекта будет происходить исключительно в рабочем порядке. А сейчас, как председатель Экологического совета, я хочу вынести на голосование предложение: провести полномасштабное испытание «Зелёного ока» в ближайшее время, например, на острове Маврикий в Индийском океане. Прошу проголосовать всех членов совета!

Овации моментально стихли, члены Экологического совета приложили ладони к своим сенсорным панелям, и над подиумом один за другим вспыхнули белые шары – «за». Ни одного жёлтого – «против» – так и не загорелось.

– Спасибо, коллеги, – снова взял слово Мбене, – иного я от вас и не ожидал. А теперь я хочу...

Договорить он не успел. По залу прокатилась красная световая волна, и раздался низкий тягучий гонг – сигнал чрезвычайной опасности. Затем в наступившей тишине чётко прозвучал лишённый интонаций голос:

– Внимание! Красная тревога. Надвигается цунами. Время подхода – сорок минут. Мощность – одиннадцать баллов по двенадцатибалльной шкале. Зона поражения – до двух километров. Рекомендовано всем покинуть зону поражения. Повторяю...

2

Свет... Тьма... Боль...

Бесконечная череда вне пространства и времени. Она заменила ему смысл существования, и сама стала смыслом бытия.

Тьма... Боль... Свет...

Он давно уже считал себя мёртвым. И лишь удивлялся, что помнит, кем он был до этого. Человеком... Он попытался вспомнить, как выглядит человек, и не смог.

Боль... Свет... Тьма...

Из бездонной черноты протаяло серое размытое пятно и раздался звук. Первый звук за миллионы веков тишины. Он даже не сразу понял, что это звук – так, некая странная вибрация в бесконечной пустоте. А потом до него вдруг дошёл смысл этой вибрации...

– Сэмюель Хофман! Вы меня слышите?..

Серое пятно мгновенно трансформировалось и приобрело жёсткие и чёткие черты.

– Профессор Джордан... – Он с удивлением понял, что тоже может воспроизводить звуки, и это называется «говорить».

– Наконец-то!.. Хофман, сейчас я сниму с ваших глаз повязку, и вы сможете видеть.

– Я... уже... вижу...

– Что?! – Серое пятно лица исчезло, голос отдалился.

Теперь ему были слышны лишь невнятное бормотание, какие-то шорохи и попискивание.

Он сделал незначительное усилие, пытаясь сосредоточиться на голосе профессора, и тут же услышал совершенно явственно, будто тот снова стоял рядом:

– ...вышло за рамки модели! Повторяю, экстрабиологические параметры Хофмана на порядок превысили расчётные и требуют дополнительного изучения. Я настаиваю поместить испытуемого в ЭМ-камеру, исключительно из соображений безопасности!

«А ведь это он про меня говорит? – пришла неожиданная мысль. – Это меня зовут Сэмюель Хофман?..» Будто беззвучный взрыв полыхнул в окружающей бесконечной пустоте, и все прежние и новые ощущения разом нахлынули со всех сторон. Он, Сэм Хофман, снова обрёл власть над своим телом. Обновлённым и могучим!

Он поднял руку, даже не заметив удерживавших её ферропластовых ремней, и сорвал с головы толстую повязку со множеством каких-то датчиков.

У дальней стены огромного кубического помещения, возле консоли компьютерного комплекса замер полуобернувшись маленький тщедушный человек в бирюзовом уникосе медработника. Человек застывшим от ужаса взглядом смотрел на приближавшегося к нему голого двухметрового великана с остроконечными как у эльфа ушами и светящимися в полумраке кошачьими глазами.

– Профессор Джордан, – низким хриплым голосом произнёс великан, остановившись возле полупрозрачной текучей колонны оптического энерговода, шагах в десяти от компьютерного комплекса.

Человек у консоли будто очнулся от ступора, вскрикнул и бросился вдоль стены к светящемуся контуру переходного шлюза. Но остроухий великан опередил его, непостижимым образом возникнув между профессором и спасительным люком.

– Мы ещё не закончили, профессор!

– А-а... что вам от меня нужно? – У Джордана заметно дрожали колени, и пот тонкими струйками стекал по вискам за ворот уникоса.

– Вы что-то говорили о безопасности? – Гигант едва заметно ухмыльнулся и одним пальцем скovyрнул со стены блок управления переходным шлюзом. Раздался треск короткого замыкания, из открывшейся ниши потянулся сизый дымок, запахло горелой изоляцией.

– Ва-ва-ва... – Профессор, казалось, стал ещё ниже ростом и медленно пятился назад к компьютерному комплексу. – Вы п-представляете с-собой угрозу, и ва-вас надо изолировать!

– Смелое заявление, – оскалился остроухий и исчез.

Несколько секунд профессор пялился на то место, где только что стоял гигант, потом перевёл взгляд на сломанный блок управления шлюзом и бросился назад, к консоли комплекса. Лихорадочно набрав код линии связи, он в нетерпении уставился на экран и, едва в нём возникло холёное одутловатое лицо директора института, заорал:

– Это всё ваши идеи, Мак-Кинли! Это вы во всём виноваты! Я буду жаловаться в Совбез!..

– Что вы ревете, как тельная корова, Джордан? – поморщился директор. – Откуда эти маргинальные манеры? Извольте выражаться яснее!

– Яснее?! – Профессор вдруг перешёл на свистящий шёпот. – Хофман сбежал!

– Что значит «сбежал»?! – нахмурился Мак-Кинли. – Каким образом?

– Исчез! – Джордан истерически хихикнул. – Буквально!

– Этого не может быть! – Лицо директора обрело каменную твердость. – Телепортация без технических средств невозможна в принципе. Это доказано. Он должен быть где-то в комплексе. Немедленно просканируйте помещения всеми доступными способами!

– Отсюда я не могу этого сделать! – снова панически вскрикнул профессор. – И выйти не могу! Этот... урод сломал блок управления переходным шлюзом.

– Спокойно, Мартин! – жёстко осадил его Мак-Кинли. – Не дёргайтесь. Я сейчас пришлю спас-команду. Потерпите несколько минут.

Экран погас. Профессор судорожно вздохнул и опасливо оглядел помещение экспериментального комплекса по модернизации биологических объектов, как он официально именовался. В сущности же, здесь занимались созданием различных боевых кибернетических систем, пока пять лет назад в институте не появился Мартин Джордан и не предложил принципиально иной подход – на основе живых организмов. Поскольку эксперименты по сращиванию живых существ с техническими устройствами официально были запрещены международной конвенцией ещё в 2025 году, новый проект, как водится, засекретили под «крышей» Агентства национальной безопасности. Сначала, естественно, были кошки, мышки, обезьянки. Потом понадобились добровольцы... За пять лет в результате неудачных экспериментов погибло двенадцать человек. Сэмюэль Хофман был тринадцатым.

Вначале всё шло как обычно. Поэтапная модернизация отдельных органов и систем в теле Хофмана проходила без сюрпризов, до тех пор пока профессор не решил модернизировать гиппокамп¹ подопытного. Сразу после эксперимента парень впал в кому, из которой его вывести не удалось. Джордан, безрезультатно сутки провозившись с реанимационной камерой, отступился, мысленно поставил на подопытном крест и велел поместить тело в стерильный бокс.

¹ Гиппокамп, или четверохолмие, – часть головного мозга, отвечающая за инстинкты; так называемый «древний мозг», считающийся вместилищем души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.